

УДК 908(28-8Вят)

doi: 10.25730/VSU.2070.18.003

Женская обитель на переломе эпох: из истории Слободского Спасского девичьего монастыря (1671/72–1764 гг.)

Е. В. Кустова

доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-7478-4424.
E-mail: kustovael@yandex.ru

Аннотация: история русского женского монашества XVII–XVIII вв. – тема в отечественной историографии почти не изученная по причине узости источниковой базы. Статья посвящена одной из первых вятских женских обителей в г. Слободском – ее столетней истории во время сложного перехода от досинодального к синодальному периоду. Благодаря введению в научный оборот новых источников из Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Кировской области впервые комплексно освещены различные аспекты жизни обители. Обнаружена точная дата основания монастыря, которая опровергает сложившееся в историографии мнение о его создании в первой половине XVII в. Среди предпосылок его основания показана роль почитаемого образа Спаса Нерукотворного. Рассматриваются личности строителя-основателя и первых игумений монастыря. Анализируются вопросы «выживания» обители в ходе реализации Петровских реформ, влияние на ее жизнь пожаров. Поскольку монастырь был «мирским», особо отмечена роль местного сообщества в его развитии, укреплении его материального уровня в сложных исторических условиях. В то же время, отмечена положительная роль в поддержании вятских монастырей в Петровскую эпоху сибирского губернатора, личность которого в исторических исследованиях имеет преимущественно негативную оценку. Проанализирован социальный состав монашествующих, затронуты проблемы сокращения их численности и нехватки служащего духовенства. В заключение тезисно представлена судьба монастыря после секуляризации 1764 г., его закрытия и возрождения.

Ключевые слова: женское монашество, Вятская и Великопермская епархия, церковная реформа Петра I, секуляризация.

История женских средневековых монастырей в России редко привлекает внимание исследователей. Причина кроется не в только большей значимости мужских монастырей в церковной, культурной, социальной, экономической, а порой и в политической жизни регионов, но и в скудности источников, связанных с женскими обителями. Они почти не получали в пожалование или в качестве вкладов земли и иную недвижимую собственность, по этой причине крайне сложно обнаружить их упоминания в актовых материалах. Приходо-расходных книг, как правило, они не вели из-за отсутствия грамотных монахинь-казначеев. К этому можно прибавить, что далеко не все переписи XVII в. учитывали женское население. В результате возникают «белые пятна» в истории русского средневекового монашества. Создание полноценной картины формирования и развития женских монастырей досинодального периода невозможно без кропотливого изучения отдельных обителей, понимания факторов и условий их создания, особенностей их повседневной жизни. В равной степени важен анализ конкретных монастырей для понимания причин упадка монашеской жизни в XVIII в. в ходе реформ Петра I и Екатерины II, результатом которых стало закрытие большинства российских обителей.

Женское монашество развивалось в Вятском крае вслед за мужским и отчасти от него зависело [33, с. 61–75]. Если первый мужской монастырь в регионе был основан в 1580 г., то монахини здесь стали появляться не позднее начала XVII в. «Черные старицы», «черницы», «старицы»¹ встречаются в вятских дозорных и писцовых книгах первой половины столетия. В 1615 г. они проживали при приходских церквях Котельнича, Слободского, Шестакова, а также в Истобенском, Медянском, Юрьевском погостах [47, л. 313, 354, 634, 672, 716, 748 об.]; в 1629 г. – в трех уездных вятских городах (Котельнич, Орлов, Слободской) [44, л. 211, 276 об.], в

© Кустова Е. В., 2018

¹ Если в отношении «черных стариц» и «черниц» нет сомнений в том, что они являлись монахинями, то просто «старицы» могли ими не быть.

1646 г. – в Слободском, Шестакове, в Гостевском, Сырьянском и Юрьевском погостах [36, л. 332, 451, 662, 935 об., 1116–1116 об.] Обычно они жили недалеко от приходского храма, духовенству которого в той или иной степени подчинялись, получая от него пропитание. Из известных девяти вятских женских монашеских общин только две впоследствии стали монастырями – в городах Слободском и Котельниче.

Женские монастыри создавались с гораздо большими трудностями, чем мужские. После основания в 1620-е гг. ружного² Хлыновского девичьего монастыря на долгое время создание женских обителей в Вятском крае приостановилось. Следующий монастырь возник только спустя столетия в расположенном в 30 верстах от Хлынова г. Слободском.

Ранняя история Слободского Спасского девичьего монастыря практически не изучена. Пожалуй, лучшей книгой по теме стал изданный ГАСПИ КО сборник статей по истории Христорождественского монастыря в г. Слободском, который стал преемником Спасской обители [50]. Но даже в предложенных статьях история Спасского монастыря XVII – первой половины XVIII в. уместается в нескольких предложениях. Краткость сведений по истории обители была связана с тем, что «акты, хранящиеся в монастырском архиве, сгорели во время бывшего пожара в 1742 г., истребившего все здания монастыря» [25, л. 166].

Традиционно в историографии временем основания обители считается первая половина XVII в., но, как правило, без обоснований и ссылок на источники. Дореволюционные авторы – свящ. Василий Кибардин и С. М. Кедрова – относили ее основание к первой четверти XVII в. [30, с. 205; 31, с. 12]. Указанная дата была заимствована ими, возможно, из монастырских документов XIX – начала XX в., в которых не всегда достоверно отражались сведения предшествующих столетий. Так, в ведомости Слободского женского монастыря 1911 г. сообщалось, что каменная двухэтажная Спасская церковь с тремя престолами (в том числе в честь Смоленской Божией Матери и Параскевы Пятницы) была построена в первой четверти XVII в. [25, с. 166], хотя сохранившиеся документы Вятской духовной консистории с уверенностью позволяют датировать ее XVIII столетием.

Протоиерей Андрей Замятин считал временем создания монастыря вторую половину столетия [28]. Что же касается современных исследователей, то Л. Б. Безверхова [2, с. 7] и диакон Дмитрий Чураков [51, с. 81–82] полагают, что монастырь появился в 1630-е гг. Чураков опирается, в частности, на Сказание о Спасском «Нерукотворенном» образе в г. Хлынове, в котором содержатся сведения об исцелении монахинь Слободской обители. Так, 8 января 1646 г. исцелила сухую руку после молитвы к чудотворному образу Спасителя инокия Слободского монастыря Евдокия Костяева. Также речь шла о Капитолине Чигилевой, которую родные привезли в Слободской Спасский монастырь для пострижения. По словам Сказания, она страдала водянкой и получила исцеление в Хлынове в сентябре 1648 г. [32, с. 10–11, 18–19] Судя по этим данным, монастырь в Слободском существовал уже в 1646–1648 гг. Чтимую же икону Спаса – список с чтимого образа Спаса «за золотой решеткой», по предположению Чуракова, мог пожаловать царь Михаил Федорович в 1630-е гг. Более же точную дату определить, как полагает автор, нельзя, поскольку архив монастыря сгорел в пожаре.

Тем не менее сохранившиеся источники позволяют не только проследить процесс рождения монастыря, но и установить точную дату его создания. Основными источниками здесь выступают дозорные, писцовые и переписные книги, описи и актовые материалы.

Наиболее ранним документом, который говорит о наличии в Слободском некой старицы, возможно, монахини, является Дозорная книга г. Слободского 1615 г. К тому времени самой старицы Ирины уже не было, в городе пустовала ее келья. В 1629 г. в Слободском указывалось, что у городских храмов в кельях живут, помимо нищих, три черницы – Пелагея, Киликия Ковригина и Олена, которые питались «от церкви Божией» [27, с. 478–479; 49, с. 4].

Отсутствие монастыря приводило к появлению практики пострижения женщин в мужском монастыре. При этом пребывали они, вероятно, у себя дома, но получали обеспечение от мужской обители. По крайней мере, известно об одном подобном случае. В августе 1637 г. Василий Юмин вложил в Слободской Богоявленский монастырь часть пожни стоимостью в 6 руб. при условии, что настоятель его жену Пелагею пострижет в монашество и в великую схиму. А в случае ее смерти за монастырский счет ее похоронят и запишут о ее поминовении в синодик [1, с. 19].

Важной представляется писцовая книга 1646 г. Переписчик обнаружил «внутри города» «12 келей, а в них живут черные старицы нищие, питаютца христовым именем, бродят по миру»

² Т. е. получающего от казны ругу – определенное царем жалование.

[36, л. 662]. Важно отметить, что женской обители в указанном году еще не существовало. Откуда же могли появиться сведения о монастыре в «Сказании» о Хлыновском Спасском образе? Диякон М. Кудрявцев в 1886 г. опубликовал рукопись «Сказания» из библиотеки Новоспасского монастыря г. Москвы, где хранился известный вятский образ. Рукопись была прислана в 1828 г. вятским епископом Кириллом, бывшим архимандритом Новоспасского монастыря. Прибыв на Вятку в 1827 г., он посчитал своим долгом собрать сведения о Хлыновском образе Спаса Нерукотворного. Духовенство или вятский епископ, переписывая записи XVII в. об исцелениях по молитвам к иконе, которые хранились в Вятском кафедральном соборе, по-видимому, внесли в них уточнения, что монахини из г. Слободского были из Спасского монастыря.

Когда же был основан женский монастырь в Слободском? Впервые его описание встречается в переписной книге 1678 г.: «Монастырь вново девичь, а в монастыре церковь во имя Святова образа нерукотворенного» [45, л. 7–7 об.]. Обращает на себя внимание, что монастырь указан «вново» – т. е. как появившийся недавно.

Окончательно помогают утвердиться в том, что монастырь был основан в 1670-х гг., сведения, обнаруженные автором в Российском государственном архиве древних актов. В описи Вятского архиерейского дома начала XVIII в. приведен список хранившихся там грамот. В числе прочих была патриаршая грамота 7180 (1671/72) года «о строении в Слободском городе девича монастыря и о поставлении в нем чудотворного Спасава образа» [37, л. 20 об.].

Грамота говорит не только о времени создания монастыря, но и о связи его с почитаемым образом. Вероятно, речь идет об иконе Спаса Нерукотворного, описание которой сохранилось в документах XIX в. Судя по монастырским описям этого времени, на иконе «...вверху на ризе... два ангела, на коих два маленькие венчика серебряные золоченые... мерою в длину 1 аршин, 2 вершка и в ширину 13 вершков» (80*57,8 см). По словам свящ. Василия Кибардина, образ пользовался «особенным благоговейным почитанием» в монастыре. Это был «точный снимок и одинаковой меры с древней чудотворной иконы, находящейся в Москве у Спаса за золотой решеткой. На ней сребропозлащенная риза, украшенная бирюзою и другими камнями» [31, с. 9]. «Спас за золотой решеткой» был привезен в Москву из Рима в 1472 г. византийской царевной Софьей Палеолог. Образ почитался чудотворным. В 1635–1636 гг. царь Михаил Федорович построил в Кремле Верхоспасскую домовую церковь, в иконостасе которой была установлена икона Спаса. После 1670 г. площадка между царскими теремными покоями и храмом стала закрываться медной позолоченной решеткой, отчего образ получил название «за Золотой решеткой» [35, с. 39–40]. Можно предположить, что список с этой иконы был отправлен царем в г. Слободской – но для новой ли вятской обители или нет – вопрос остается открытым.

Документы позволяют говорить также и об основателе женской обители. В 1686 г. келарь Хлыновского Успенского Трифонова монастыря Илья (Семакин)³ приобрел у слободского священника Якова Поторочинова огород, расположенный около монастыря, «под келейное строение игумении с сестрами» [42, л. 427об. – 428 об.]. Источник называет келаря «бывшим строителем» Слободского женского монастыря. Обычно в источниках XVI–XVII вв. так называли настоятелей, которые не были игуменами или архимандритами. Случаи управления женских обителей настоятелями мужских известны, когда речь шла о «приписных», зависимых монастырях. В очень редких случаях строителями могли называться и те, кто «устраивал», «строил» монастырь. В любом случае связь Ильи (Семакина) с основанием женской обители в Слободском несомненна.

Сведения о монастырском храме отрывочны. Переписные книги 1678 и 1710 гг. указывают церковь во имя «Нерукотворенного образа Спаса» [45, л. 7; 48, л. 260 об.]. По-видимому, храм первоначально был деревянным. В. В. Зверинский упоминает о сгоревших в 1681 г. кельях монастыря. Пострадал ли при этом храм – неизвестно [29, с. 293].

По мнению известного вятского архивиста начала XX в. В. Шабалина, при создании обители деревянная Преображенская церковь в Слободском была обращена в монастырскую – и по ее названию монастырь стал именоваться Спасским (Преображенским) [26, л. 13]. Однако подобное мнение ошибочно. Во-первых, монастырь именовался Спасским не в честь Преображения Господня, а в честь образа Спаса Нерукотворного. Кроме того, перепись 1678 г. одновременно указывает и на Спасский, и на Преображенский храмы.

Каменный храм появляется в обители во время действия известного петровского указа, запрещавшего каменное строительство в провинции, дабы в кратчайшие сроки возвести но-

³ Подробнее о нем см.: [34, с. 62–67].

вую столицу. В 1723 г. преосв. Алексей благословил в Спасском девичьем монастыре построить каменную церковь «о два партамента» (этажа). В 1725 г. в ней был освящен придел в «верхнем партаменте» во имя Тихвинской Божией Матери [22, л. 79]. По ведомостям 1727 г., Слободской Спасский монастырь имел две церкви: каменную с трапезной и деревянную, – а также деревянные «колокольницу», ограду, кельи и хозяйственные постройки [3].

В июле 1740 г. Спасского девичьего монастыря поп Моисей с церковным старостой Фомой Поповым и «приходскими людьми» сообщали, что «в нижнем партаменте церковь теплая вместо ветхой деревянной теплой же по желанию их построена и к освящению готова». Поэтому просили ее освятить во имя Смоленского образа Богородицы и для совершения богослужений дать антиминс. Церковь освящал по архиерейскому благословению архимандрит Слободского Богоявленского монастыря Герасим [22, л. 90].

В 1727 г. сообщалось, что служба «бывает повсядневная одна» [38, л. 1631–1631 об.]. В монастырском храме женской обители, по церковной традиции, служило белое духовенство. В 1678 г. это был поп «Савин Лусников», дьячок «Фетка Кирилов сын Винокуров» и пономарь «Фетка Алексеев сын Бородин» [45, л. 7–7 об.].

К 1710 г. церковный причт расширился. При храме упоминаются со своими семействами «поп Тимофей Яковлев сын Поторочинов», отец которого в свое время продал землю келарю Илье для построения келий для женской обители, «дьякон Дмитрий Савин сын Лучников», вероятно, сын священника, упомянутого в переписи 1678 г., дьячок «Карп Дмитриев сын Шаньгин», пономарь «Артемей Григорьев сын Юмин» и «сторож Карп Игнатьев сын Вахрушин», каждый из которых жил в собственном доме [48, л. 260 об.].

Спустя 17 лет священнослужители в монастыре сменились («поп Исай Потутов, дьякон Федор Пупышев»), но причт оставался прежним («дьячек Карп Шангин, пономарь Артемий Юмин») [38, л. 1631–1631 об.]. Светских служителей при монастыре не имелось [3].

При этом духовниками обители, по-видимому, являлись иеромонахи Слободского Богоявленского монастыря. Так, в ведомости 1735 г. «иеромонах Митрофан вместо дочерей своих духовных игумении Пелагии с сестрами по их прошению руку приложил» [20, л. 99].

Сведения о сестрах обители досинодального времени почти не сохранились. Редкие имена монахинь рубежа XVII–XVIII вв. встречаются в приходной книге Слободского мужского монастыря. В синодик записали об упокоении старицы Анны (Невеницыной), а также родных и близких старицы Веры и игумении Анны. В тех же книгах упоминается старица Ираида, которая пекла просфоры для обоих монастырей г. Слободского – и женского, и мужского [40, л. 105 об., 155, 191, 218 об., 235; 41, л. 8 об.].

Численность обители почти не менялась. Если в 1724 г. в монастыре было 20 стариц, в 1735 г. – 21 монахиня. Сословный состав тоже был достаточно стабильным: треть выходцев – из посадских, и две трети – из крестьян (6 и 14 в 1724 г., 7 и 14 в 1735 г.). Единственное видимое изменение, о котором свидетельствуют монастырские ведомости, – «старение» сестер в послепетровское время. Если в 1724 г. в возрасте от 30 до 59 лет было 14 монахинь, 60 и старше – 6, то к 1735 г. пропорция принципиально изменилась: 7 и 14 стариц соответственно [18, л. 73–75 об.; 20, л. 96–99]. Из последних многие не могли себя обеспечивать по причине как старости, так и болезней. Например, о монахине Пелагее (Скрябиной) сообщалось: «...рукоделия никакого не имеет того ради, что от рождения своего правой руки не имеет» (1724) [18, л. 75].

Преимущественно пожилой возраст монахинь наряду с отсутствием земель и мастерских создавал серьезные трудности для обеспечения сестер. Слободской монастырь, как и большинство остальных женских обителей этого времени, был вынужден выживать за счет пожертвований, о чем свидетельствует «Перечневая выписка из приходных и расходных денежных и хлебных книг» Вятской епархии 1703 г. Игуменья Анна и казначея старица Екатерина сообщали, что «приходных и расходных книг не бывает и никаких вотчин и угодей и крестьян и бобылей и заградных жителей нет, питаемся мы игуменья с сестрами... милостынею, а на церковную утварь на свечи, и на ладан, и на церковное вино собираем от подаяния православных христиан» [39, л. 23 об.].

На несколько лет положение улучшилось благодаря новому сибирскому губернатору князю М. П. Гагарину (1711–1719). 19 ноября 1711 г. он «приказал на Вятке в Слобоцком городе Новодевичья Спасского монастыря его царьского величества богомолицам монахиням игуменье с сестрами выдать великого Государя жалования ис таможенных и кабацких сборов по десять рублей на год повсягодно» [43, л. 49]. Ружное жалование по его указанию стали по-

лучать еще несколько вятских монастырей, обратившихся к губернатору с просьбой о помощи. Однако спустя несколько лет вспоможение от казны прекратилось вместе с громкой отставкой Гагарина и его казнью.

После этого положение для слободской обители стало критическим. По петровским указам бродяжничество и попрошайничество строго наказывались, поэтому просить милостыню монахиням было запрещено. В сентябре 1724 г. игуменья монастыря Пелагея сообщала, что по царскому указу велено было давать им жалование из вятских питейных сборов монахиням 20 руб., а попу с причетниками – 6 руб. в год. С учетом того что в монастыре было 20 монахинь и 5 священно-церковнослужителей, на каждого должно было приходиться примерно по рублю годового жалования. Однако, по словам игуменьи, указанного жалования они не получают, вотчинами не владеют, «и оттого де они скудны и гладны, а монахинь в том монастыре дватцать человек и со игуменью, а для прошения милостыни не токмо де им монахиням, но и нищим бельцам ходить по городом не повелено, а бельцы мужеска и женска полу определены в богадельни и даецца им жалование... а им богомолицам чем впредь и ныне питатца, о том как де его императорского величества указ повелевать будет. Того ради сие ведение предлагают, чтоб им нищим от того всем гладом не помереть» [19, л. 160]. Но некоторые старицы, не страшась наказания, продолжали просить милостыню [18, л. 74 об.]. В ведомостях 1727 г. вновь сообщалось о том, что «ныне онаго жалованья им не даецца и питаютца ныне подаванием от христоролюбивых людей с великою нуждою» [3, с. 190].

Положение могло поправить присоединение по царскому указу 1725 г. к Слободскому Котельничского Введенского монастыря. Вместе с 10 монахинями в ведение слободской обители перешло 2 двора, за которыми числилось 7 крестьянских душ. На монастырской земле работали половники из половинного хлеба (половину урожая, не считая семян для посева, они отдавали монастырю). Насколько это могло обеспечить обитель? По словам игуменьи, после объединения монастырей 30 сестрам необходимо в год 90 четвертей хлеба и 90 руб. на пищу, покупку соли, прочих запасов, одежды и обуви, 28 руб. на церковные потребности, ремонт, постройки, 20 руб. и 25 четв. хлеба – священнику с причтом. Всего 138 руб. и 115 четв. хлеба. Однако деревенька с двумя дворами давала менее 18 четв. хлеба (15,5%), а иных источников доходов, помимо пожертвований, монастырь не имел [3, с. 191–193]. Более того, судя по ведомости 1735 г., объединение монастырей осталось лишь на бумаге, так как спустя 10 лет они продолжили раздельное существование [20, л. 96–99].

В это непростое время монастырем управляли две игуменьи – Анна (упом. 1703–1705) и Пелагея (ок. 1720 – после 1735). О первой сведений почти не сохранилось, кроме того, что она сообщала о бедственном положении обители [20, л. 97; 39, л. 23 об.]. Больше известно о второй благодаря ведомостям монастыря 1724 и 1735 гг. Параскева, как звали ее в миру, происходила из семьи духовного звания. Она родилась в 1650-е гг. в Вобловицком погосте (если верить ведомости 1724 г.) [18, л. 73] или в г. Слободском (в 1646 г. там проживали ее родители). Ее отец Анисим Митрофанов сын Кошурников стал священником в Вознесенской церкви Сырьянского стана (упом. 1678 г.), его брат – служил в Никольском храме того же стана (упом. 1646, 1678 гг.). Брат Параскевы Терентий был крестьянином, жил в «погосте Всесвятцком⁴ над речкою Осетровкою» [36, л. 670 об., 931; 45, л. 57, 368, 386 об., 415]. К 1678 г. она была замужем за Стефаном – сыном священника Вобловицкой Спасской церкви Димитрия Тимофеева сына Серебряникова и воспитывала годовалого сына Петра [46, л. 989]. Муж ее служил в Вобловицком погосте становым подьячим [18, л. 73].

За 20 лет она, вероятно, стала вдовой и решила уйти в монастырь. Пострижена она была ок. 1708 г. (по сведениям 1735 г.) или ок. 1713 г. (по ведомости 1724 г.) в Слободском монастыре [18, л. 73; 20, л. 96]. В противоречивых ведомостях 1735 г. она указана как игуменья при пострижении монахинь около 1715 и 1718 гг. Но в тех же ведомостях сообщалось, что она стала игуменией при вятском епископе Алексии 15 лет назад (т. е. около 1720 г., притом что Алексей был назначен на вятскую кафедру в январе 1719 г.) [20, л. 98–98 об.]. Епархиальное начальство характеризовало ее следующим образом в 1724 г.: «Дело имеет к церкви Божии подвижное, а рукоделия никакого не имеет» [18, л. 73]. Последний раз она упоминается в ведомости монастыря в июле 1735 г. [20, л. 96].

Одним из серьезных испытаний в годы ее управления обителью стали петровские указы, запрещавшие постригать в монашество всех, кроме вдового духовенства и отставных сол-

⁴ Сырьяно-Всесвятское, ныне с. Всехсвятское Белохолуницкого района.

дат. 18 мая 1735 г. из Вятской духовной консистории игуменье Пелагее с сестрами пришло указание о том, чтобы по указам 8 января 1723 г., 5 февраля 1724 г. и 1 ноября 1725 г. никого не постригать, а «шатающихся монахов» передавать в духовные приказы [21, л. 22].

Хотя петровские указы действовали уже 10 лет, реальный контроль над ними начался лишь с 1735 г. Это привело не только к волне «расстрижений», но и к постепенному «вымиранию» монастырей. К 1745 г. в женских монастырях Приуралья оставалось 95 монахинь (в 1725 г. их было 225). Что же касается Слободской Спасской обители, если в 1725–1735 гг. здесь было около 20 монахинь (без учета Котельничского монастыря), то в 1742–1745 гг. оставалось только 5 стариц [17, л. 12 об., 24 об.].

Постриги для женских монастырей были фактически запрещены и стали исключением из правил. За период с 1735 по 1764 г. известно лишь два прошения о пострижении в Слободском Спасском монастыре, хотя это не исключает существования иных единичных примеров.

В послепетровское время постриги совершали, как правило, по решению Синода. Некоторые послабления были даны указом Синода от 7 марта 1741 г., разрешившим постригать не только священно- и церковнослужителей, но и представителей податных сословий с отпускными письмами, а также разночинцев с паспортами. 12 января 1742 г. в Вятской духовной консистории рассматривалось прошение Чистянского стана крестьянина Саввы Деньгина и его жены Натальи Андреевой дочери Лесниковой о пострижении ее «за разслабленную болезнь по желанию ее, а по увольнении оно́го мужа ее Савы в монашеский чин, в Слободском... девичьем монастыре». Было указано ее освидетельствовать, «подлинно ли она болна и движения собою не имеет и монашеский чин воспринять желает ли, и муж ее Сава в монастырь отпускает ли, и с таким ли уговором, как он в прошении своем написал, что по жизнь ее поить, кормить и платьем одевать будет», взять с него в том письменное обязательство. В случае соблюдения всех условий разрешалось ее постричь. При этом делалась ссылка на святоотеческие правила, по которым больных жен по их желанию и при согласии мужей разрешалось постригать в монашество, но запрещалось при этом мужу, пока жена будет жива, жениться на другой [7, л. 28–28 об.].

9 ноября 1751 г. вдова слободского Николаевской церкви попа Семена Шмелева «Анна Иванова дочь» просила постричь ее «по самопроизвольному желанию, а не ис какой страсти и принуждения за старостию и дряхлостию» в Слободском Спасском девичьем монастыре. Любопытно, что при решении консистория ссылалась уже не на указ 1741 г., а на более ранние и строгие узаконения – Духовный регламент (ст. 42, где возраст для пострижения женщин был определен не менее 60 лет) и на указ от 10 июня 1734 г., по которому подтверждался петровский запрет на монашеские постриги за исключением вдового духовенства и отставных военных. За пострижение монахини в девичьих монастырях грозил штраф 500 руб. и ссылка в «тягчайшие работы». Однако, несмотря на грозные последствия, консистория дала свое разрешение с учетом того, что вдове исполнилось 73 года и она попадая, следовательно, духовного звания. Но указала постричь ее после искуса (испытательного срока), о чем игумену Слободского Богоявленского монастыря Герасиму был послан указ [11, л. 705–705 об.].

Помимо сокращения численности монастыря бедствия обрушились и на монастырские стены. Серьезным испытанием для обители стал пожар 1742 г. По описанию очевидцев, 14 мая в 10-м часу в г. Слободском сгорели деревянные церкви и колокольни, дома посадских, а на каменных храмах погорели крыши и главы. Больше всего пострадал девичий монастырь. 15 июня вятскому владыке была представлена ведомость с указанием монастырского имущества, уничтоженного огнем. Она позволяет представить не только ущерб, нанесенный обители, но и внутренний вид и жизнь монастыря до пожара.

На каменной церкви сгорели железный позолоченный крест, глава и курма⁵, обитые белым железом, 22 окна. В придельном храме, освященном в честь образа Тихвинской Божией Матери, огонь уничтожил престол, жертвенник, «одежды» на них, обитое красным сукном горнее место, резные позолоченные царские врата и иконостас, четыре образа с серебряными и позолоченными окладами – Троицы, Богоматери Владимирской, митр. Филиппа, вмч. Екатерины; 14 местных образов, писанных на красках без окладов, казенной сундук с 80 руб., три пуда воска, полпуда сканных свеч, пять больших лампад и пять меньшего размера с местными свечами, четыре лампы белого железа, два выносных подсвечника белого железа, крылосы, лавки, пол, двери, косяки, паперть с лестницами и рундуками.

⁵ Курма – крыша храма в виде куба с четырьмя выпуклыми скатами, имеющая килевидное сечение с расширением над основанием.

Огонь не пощадил медное паникадило весом 7 пудов и два по 4 пуда каждое. В ризнице сгорело церковное облачение: шесть камчатых риз, два штофные стихаря, оплечье под золотом, восемь стихарей камчатых, шесть орарей, в том числе один золотой и пять шелковых. Монастырь лишился своей библиотеки, состоящей из 29 книг, преимущественно богослужебных (Апостол, 12 Миней месячных, две Триоди, Толковое Евангелие недельное, два Окта, Пролог годовой, два служебника, два каноника, три требника, две Псалтыри, одна со следованием, Часослов).

Во втором теплом нижнем приделе каменной церкви во имя Смоленского образа Божией Матери в алтаре сгорели престол, жертвенник, «одежды» на них, царские врата, образ Троицы с серебряным позолоченным окладом, шесть местных образов, писанных на красках без окладов, шесть медных лампад с местными свечами, семь окон, лавки, двери, косяки. Огонь уничтожил и все деревянные монастырские постройки – ветхую церковь, ограду, «колокольницу» с пятью колоколами весом 35 пудов. Не обошлось и без людских жертв: сгорели 10 деревянных келий, «а в них две монахини да три вдовы» [16, л. 3 об. – 4 об.].

Восстановлением монастыря после пожара занималась настоятельница монахиня Марина (упом. 1742–1745). В первую очередь, необходимо было разместить оставшихся без крова стариц. 24 мая 1742 г. настоятельница доносила преосвященному Вениамину, что после пожара осталось пять монахинь, «которым и жить стало негде, а за нуждою живут по мирским домам, а вновь келей ныне вскоре за скудостью построить нечем». 7 июня вятский епископ указал настоятельнице Хлыновского Преображенского монастыря монахине Ульянии принять слобожанок с условием, что те в кратчайшие сроки возведут для себя келии в Слободском [16, л. 6].

Спустя пять лет церковь восстановили. 5 июня 1747 г. Спасский монастырь просил об освящении каменной холодной церкви во имя Тихвинской Божией Матери. Во время пожара в ней иконостас, образы, престол и жертвенник сгорели «без остатку», вынесли только антиминс с престола, который хранился в том же монастыре в теплой церкви Смоленской Божией Матери. 26 октября от пребывавшего в столице владыки пришло позволение освятить храм ключарю Троицкого большого собора Дионисию [8, л. 314, 569].

Активно помогали восстанавливать монастырь слобожане, среди которых было немало богатых купцов. Так, в июне 1753 г. купец г. Слободского «Потап Семенов сын Шмелев» просил выстроить за свой счет новую каменную «колокольницу» в Спасском монастыре вместо сгоревшей в 1742 г., а под ней больничную келью [13, л. 181].

Пострадавшие храмы на протяжении нескольких лет были украшены иконами. Правда, не все новые иконы были высокого художественного уровня. В 1759 г. заказчик Слободского духовного правления протопоп Тимофей и иконописец Евсений Кузнецов сообщали в Вятскую духовную консисторию, что в холодной Спасской церкви девичьего монастыря «иконное художество» «средственнo», «безразмерно», требует поправки [24, л. 5].

Духовная жизнь монастыря была тесно связана с богослужением, которое по традиции в монастырях совершалось ежедневно. Но в Спасской обители периодически возникали проблемы из-за недостатка в городе служащего духовенства. В январе 1745 г. настоятельница Марина сообщала в духовную консисторию, что в монастыре нет священника, и просила о поставлении в священники женского монастыря диаконского сына Данила Пупышева или об определении к церкви другого священника. Попытка найти «свободных» священников в приходских храмах г. Слободского успехом не увенчалась. Поэтому архиерей определил на год в женский монастырь вдового попа Афанасия Пашкина, который в Трифоновом монастыре готовился к пострижению. Это был уважаемый в городе человек: о его пострижении просили власти г. Слободского, в частности члены магистрата, а также «первенствующие граждане» [5, л. 47]. Благочестивого священника 14 июня 1748 г. определили настоятелем (без пострига!) Богословского Подгородного монастыря, где спустя полгода он принял постриг [9, л. 293, 660, 660 об.]. Женский монастырь вновь остался без священника. В те же годы умер пономарь Артемий Юмин, прослуживший в обители более 30 лет. Не стало и настоятельницы.

Отсутствие духовника и настоятельницы негативно сказалось на внутренней жизни обители. 12 августа 1748 г. заказчик духовного правления г. Слободского протоиерей Петр доносил в Вятскую духовную консисторию, что в Слободском девичьем монастыре за неимением игумении без позволения консистории церковным старостой монастыря и посадскими купцами «напущено жен, мужей имеющих... живут непостоянно, много упиваются, бранятся... и тем оному монастырю немалое приводят поречение, а монашескому чину укоризну». Сло-

бодского Богоявленского монастыря архимандриту Герасиму с протоиереем Петром было указано обстоятельно расследовать ситуацию с монастырем и принять необходимые меры [4, л. 266–266 об.].

К сожалению, нехватка белого духовенства приводила к тому, что не всегда удавалось найти достойных священно-церковнослужителей для служения в монастыре. С 1749 по 1763 г. священником в монастыре был поп Артемий Симонов [23, л. 23, 44, 98]. Если он лишь однажды был отмечен в нетрезвом состоянии (1754) [4, л. 714 об.], то диакон Гавриил Бабайлов в нем обнаруживался неоднократно, за что был наказан при собрании духовенства г. Слободского «плетью нещадно», а о трезвой жизни был обязан подпиской [14, л. 333]. Пономарь Лука Пашкин в 1751, 1755 и 1756 гг. в «высокоторжественные дни» не был на службе. В последнем случае было указано наказать его плетью «нещадно» и отправить в Слободской монастырь в труды на месяц [4, л. 426, 789; 14, л. 54].

Тем не менее, несмотря на возникавшие порой проблемы, сам монастырь оставался духовным центром, куда на исправление присылали тех, кто совершил нравственные проступки. По крайней мере, известно пять подобных случаев в Слободском Спасском монастыре в 1750-е гг. Так, за блуд накладывалась епитимия – год жизни в монастыре; если речь шла о кровосмешении – от трех до пяти лет. Помимо монастырских трудов человек должен был посещать все службы, которые в монастырях обычно совершались ежедневно, исповедоваться во все большие посты – четыре раза в год, и если духовные власти допускали – то и причащаться. За серьезные проступки причащать разрешалось только при смерти или по окончании всего срока епитимии. Накладывались ограничения и на выход за монастырские стены [10, л. 714; 11, л. 357 об. – 358; 12, л. 609–610].

За «доброе поведение» или по особым личным обстоятельствам (например, из-за оставленных дома малолетних детей) срок епитимьи на несколько месяцев мог сократиться [14, л. 273]. В некоторых случаях за епитимийцев хлопотали сами монастырские власти. Так, в 1757 г. священник Артемий Симонов и настоятельница монахиня Анастасия сообщали, что крестьянская дочь Ирина Мокрецова почти пять лет провела «в тягчайших монастырских трудах... никуда не исходно». Хотя срок епитимии еще полностью не закончился, «она жития и состояния находилась доброго, и ко всякому церковному пению ходила повсягодно, и каждого года во все четыре поста на исповедь приходила». Консистория пошла на уступки и разрешила ей, если она пожелает, остаться в монастыре, а если захочет выйти замуж, то отпустить ее домой [15, л. 331–331 об.].

История Спасской обители завершилась внезапно для ее насельниц. В результате секуляризации церковных земель при Екатерине II практически все женские монастыри в крае были закрыты. В Вятской и Великопермской епархии штатным стал только Хлыновский Преображенский девичий монастырь. Остальные обители указано было упразднить, их храмы обратить в приходские, а монахинь перевести в Хлыновский и Уфимский монастыри. Пять монахинь Слободского Спасского монастыря были переведены в Уфу [23, л. 125–126]. Тем не менее история Спасской обители на этом не завершилась. Из-за крестьянской войны Пугачева в 1775 г. власти были вынуждены вернуть насельниц обратно в г. Слободской, но уже вместе с сестрами Уфимской обители. Здесь был образован Христорождественский женский монастырь, просуществовавший до 20-х гг. XX в.

Столетняя история монастыря отразила традиционный цикл развития женского монашества в регионе на стыке Средневековья и Нового времени. Если формирование обители было обусловлено преимущественно местными факторами, то ее упадок и закрытие – официальной политикой. Слободской Спасский монастырь появился на волне подъема монастырского строительства в Приуралье последней трети XVII в. Предпосылками его создания стали открытие Вятской и Великопермской епархии, живущие при приходских храмах монахини, а также почитаемый образ Спаса Нерукотворного. Сложность существования обители, вызванная отсутствием земель и иных постоянных источников дохода, обусловила ее тесную связь с «миром». Не успев достигнуть своего расцвета, в годы Петровских реформ монастырь оказался на грани закрытия вследствие запрета пострижения в монашество и политики объединения «малобратственных монастырей». Но, несмотря на резкое сокращение численности монахинь в послепетровское время, монастырь просуществовал благодаря поддержке местного сообщества вплоть до секуляризации церковных земель в 1764 г.

Список литературы

1. Акты и грамоты Богоявленского монастыря и др. // Труды Вятской ученой архивной комиссии (ТВУАК). 1915. Вып. 1. Отд. 2.
2. *Безверхова Л. Б.* Архитектурно-планировочное развитие Слободского Христорождественского женского монастыря с XVII до начала XX в. // Слободской Христорождественский женский монастырь : сб. очерков. Киров, 2011.
3. Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии в первой четверти XVIII ст. (по указу Синода 1725 г.). Сообщ. В. Шабалин // ТВУАК. 1912. Вып. 1–2. Отд. 2.
4. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 7.
6. ГАКО. Ф. 237. Оп. 1. Д. 18.
7. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 4.
8. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 9.
9. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 10.
10. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 12.
11. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 13.
12. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 14.
13. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 15.
14. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 18.
15. ГАКО. Ф. 237. Оп. 2. Д. 19.
16. ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 13.
17. ГАКО. Ф. 237. Оп. 76. Д. 42.
18. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5.
19. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 7.
20. ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 41.
21. ГАКО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 5.
22. ГАКО. Ф. 430. Оп. 1. Д. 10.
23. ГАКО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 1а.
24. ГАКО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 3.
25. ГАКО. Ф. 431. Оп. 1. Д. 51.
26. ГАКО. Ф. 1404. Оп. 1. Д. 6.
27. Дозорная книга 1615 года Хлыновского уезда (город Слободской) // Любимов В. А. Старая Вятка. Квартал за кварталом. Киров, 2007.
28. *Замятин А. А.* Город Слободской и его святые храмы // Вятские губернские ведомости. 1895. № 48.
29. *Зверинский В. В.* Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 1. СПб., 1890.
30. *Кедрова С. М.* Христорождественский монастырь в городе Слободском Вятской епархии // Вятские епархиальные ведомости. 1905. № 4. С. 203–219.
31. *Кибардин В., свящ.* Описание Христорождественского женского монастыря, что в городе Слободском Вятской епархии. СПб., 1875.
32. *Кудрявцев М., диак.* Чудотворный Нерукотворенный образ Спасителя, что в Московском Новаоспасском монастыре. М., 1886.
33. *Кустова Е. В.* Формирование женского монашества в Приуралье в XVII – первой четверти XVIII вв. // Российская история. 2016. №2. С. 61–75.
34. *Кустова Е. В.* Ревностный келарь (к биографии Ильи Семакина) // Герценка: Вятские записки. Вып. 19. Киров, 2011.
35. *Мохова Г. А.* Чудотворные иконы Нерукотворного Образа Спасителя на Вятской земле. Иконография. Формы почитания // Герценка : Вятские записки. Вып. 17. Киров, 2010.
36. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 137. Орлов. № 1 (сообщено А. Л. Мусихиным).
37. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 55.
38. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 187.
39. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 665.
40. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6347.
41. РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6433.
42. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2144.
43. РГАДА. Ф. 1113. Оп. 1. Д. 28.
44. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 90 (сообщено А. Л. Мусихиным).
45. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 339 (сообщено А. Л. Мусихиным).
46. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 521 (сообщено А. Л. Мусихиным).
47. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1029 (сообщено В. А. Любимовым).
48. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 1034 (сообщено А. Л. Мусихиным).

49. Слободской город и посад по книге писма и меры Ивана Борисовича Доможирова да подъяча-го Ивана Кокушкина 7137 (1629) года // ТВУАК. 1907. Вып. 1. Отд. 2.

50. Слободской Христорождественский женский монастырь : сб. очерков. Киров, 2011.

51. Чураков Д. Н., диак. К вопросу об уточнении даты основания Христорождественского женского монастыря г. Слободского // Обретение святых : сб. материалов V Межрегион. церк.-науч. конф. Киров, 2013.

Women's abode at the turn of ages: from the history of Slobodskoy Spassky convent (1671/72–1764)

E. V. Kustova

Doctor of historical sciences, associate professor of the Department of national history,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-7478-4424. E-mail: kustovael@yandex.ru

Abstract: the history of Russian female monasticism XVII–XVIII centuries. – there is poorly studied in the Russian historiography theme because of the narrowness of its source base. The article is devoted to one of the first Vyatka women's monasteries in Slobodskoy – its centenary history in the difficult period of transition from the Middle ages to The new age. The author introduced into scientific use of new sources from the Russian state archive of ancient acts and the State archive of the Kirov region. As a result, for the first time, various aspects of the monastery's life were comprehensively consecrated. The author discovered the exact date of foundation of the monastery. The documents refute the traditional view of the foundation of the monastery in the first half of the XVII century. The premise of its creation was the revered icon of the Spas. The author reveals the identity of the founder builder and the first abbess of the monastery. The paper analyzes the issues of "survival" of the monastery in the implementation of Peter's reforms, the construction of churches, the impact of fires. Since the monastery was "communal", the role of the local community in the development of the monastery, maintaining its material level in difficult historical conditions was emphasized. At the same time, a positive role in maintaining the Vyatka monasteries in the first quarter of the XVIII century of the Siberian Governor Gagarin was noted. Traditionally, his personality in historical research has a negative assessment. The article analyzes the social composition of monastics, touches upon the problems of reducing their number and shortage of clerics. In conclusion, the thesis presents the fate of the monastery after the secularization of 1764, its closure and revival.

Keywords: female monasticism, Vyatskaya and Velikopermskaya diocese, church reform of Peter I, secularization.

References

1. *Akty i gramoty Bogoyavlenskogo monastyrya i dr.* – Acts and letters of the Epiphany monastery etc. // Proceedings of the Vyatka Scientific Archive Commission. 1915. Issue 1. Dep. 2.
2. Bezverhova L. B. *Arhitekturno-planirovochnoe razvitie Slobodskogo Hristorozhdestvenskogo zhenskogo monastyrya s XVII do nachala XX v.* [Architectural and planning development of the Slobodskoy Christ's Nativity convent from the XVII century until the early XX century // *Slobodskoj Hristorozhdestvenskij zhenskij monastyr'* : sb. очерков – Slobodskoy Christ's Nativity convent: collection of essays. Kirov. 2011.
3. *Vedomost' o Vyatskom arhierejskom dome i o monastyryah Vyatskoj eparhii v pervoj chetverti XVIII st. (po ukazu Sinoda 1725 g.). Soobshch. V. Shabalin* – Statement of the Vyatka Bishop's house and the monasteries of the Vyatka diocese in the first quarter of the XVIII century. (by decree of the Synod in 1725). Reported by V. Shabalin // *TVUAK* – Proceedings of the Vyatka Scientific Archive Commission. 1912. Iss. 1–2. Dep. 2.
4. State archive of the Kirov region (GAKO). 237. Inv. 1. File 1.
5. GAKO. F. 237. Inv. 1. File 7.
6. GAKO. F. 237. Inv. 1. File 18.
7. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 4.
8. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 9.
9. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 10.
10. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 12.
11. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 13.
12. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 14.
13. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 15.
14. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 18.
15. GAKO. F. 237. Inv. 2. File 19.
16. GAKO. F. 237. Inv. 76. File 13.
17. GAKO. F. 237. Inv. 76. File 42.
18. GAKO. F. 237. Inv. 81. File 5.
19. GAKO. F. 237. Inv. 81. File 7.

20. GAKO. F. 237. Inv. 81. File 41.
21. GAKO. F. 430. Inv. 1. File 5.
22. GAKO. F. 430. Inv. 1. File 10.
23. GAKO. F. 431. Inv. 1. File 1A.
24. GAKO. F. 431. Inv. 1. File 3.
25. GAKO. F. 431. Inv. 1. File 51.
26. GAKO. F. 1404. Inv. 1. File 6.
27. *Dozornaya kniga 1615 goda Hlynovskogo uezda (gorod Slobodskoj)* – Watch book of 1615 of Hlynov County (the town of Slobodskoy) // *Lyubimov V. A. Staraya Vyatka. Kvartal za kvartalom* [The Old Vyatka. District by district]. Kirov 2007.
28. *Zamyatin A. A. Gorod Slobodskoj i ego svyatyte hramy* [Slobodskoy town and its Holy temples] // *Vyatskie gubernskie vedomosti* – Vyatka province news. 1895, No. 48.
29. *Zverinskij V. V. Material dlya istoriko-topograficheskogo issledovaniya o pravoslavnykh monastyryah v Rossijskoj imperii* [Material for historical and topographical research on Orthodox monasteries in the Russian Empire]. Vol.1. SPb. 1890.
30. *Kedrova S. M. Hristorozhdestvenskij monastyr' v gorode Slobodskom Vyatskoj eparhii* [Nativity of Christ in the town Slobodsky of Vyatka diocese] // *Vyatskie eparhial'nye vedomosti* – Vyatka diocesan statements. 1905, No. 4, pp. 203–219.
31. *Kibardin V., svyashch. Opisanie Hristorozhdestvenskogo zhenskogo monastyrya, chto v gorode Slobodskom Vyatskoj eparhii* [Description of the Nativity of Christ convent in the town of Slobodsky of Vyatka diocese]. SPb. 1875.
32. *Kudryavcev M., diak. CHudotvornyj Nerukotvorenniy obraz Spasitelya, chto v Moskovskom Novospasskom monastyre* [Wonderworking Virnicle image of the Savior in the Moscow Novospasskiy monastery]. M. 1886.
33. *Kustova E. V. Formirovanie zhenskogo monashestva v Priural'e v XVII – pervoj chetverti XVIII vv.* [Formation of female monasticism in the Urals in the XVII-first quarter of the XVIII centuries] // *Rossiyskaya istoriya* – Russian history. 2016, No. 2, pp. 61-75.
34. *Kustova E. V. Revnostnyj kelar' (k biografii Il'i Semakina)* [Zealous steward (biography of Ilya Semakin)] // *Gercenka: Vyatskie zapiski* – Gertsenka: Vyatka notes. Vol. 19. Kirov. 2011.
35. *Mohova G. A. CHudotvornye ikony Nerukotvornogo Obraza Spasitelya na Vyatskoj zemle. Ikonografiya. Formy pochitaniya* [Wonderworking icons of the Virnicle image of the Savior on the land of Vyatka. Iconography. Forms of veneration] // *Gercenka : Vyatskie zapiski* – Gertsenka: Vyatka notes. Vol. 17. Kirov. 2010.
36. Russian State archive of ancient acts (RGADA). 137. Orlov. No. 1 (reported by L. Musikhin).
37. RGADA. F. 237. Inv. 1. File 55.
38. RGADA. F. 237. Inv. 1. File 187.
39. RGADA. F. 237. Inv. 1. File 665.
40. RGADA. F. 237. Inv. 1. File 6347.
41. RGADA. F. 237. Inv. 1. File 6433.
42. RGADA. F. 615. Inv. 1. File 2144.
43. RGADA. F. 1113. Inv. 1. File 28.
44. RGADA. F. 1209. Inv. 1. Book 90 (reported by L. Musikhin).
45. RGADA. F. 1209. Inv. 1. Book 339 (reported by L. Musikhin).
46. RGADA. F. 1209. Inv. 1. Book 521 (reported by A. L. Musikhin).
47. RGADA. F. 1209. Inv. 1. Book 1029 (reported by V. A. Lyubimov).
48. RGADA. F. 1209. Inv. 1. Book 1034 (reported by L. Musikhin).
49. *Slobodskoj gorod i posad po knige pisma i mery Ivana Borisovicha Domozhirova da pod"yachago Ivana Kokushkina 7137 (1629) goda* – Slobodskoy town and Posad by the book of writing and measures of Ivan Borisovich Domozhiron and clerk Ivan Kokushkina 7137 (1629) // *TVUAK* – Proceedings of the Vyatka Scientific Archive Commission. 1907. Vol. 1. Dep. 2.
50. *Slobodskoj Hristorozhdestvenskij zhenskij monastyr' : sb. ocherkov* – Slobodskoy Nativity of Christ convent: collection of essays. Kirov. 2011.
51. *CHurakov D. N., diak. K voprosu ob utochnenii daty osnovaniya Hristorozhdestvenskogo zhenskogo monastyrya g. Slobodskogo* [To the question about the exact date of the founding of Nativity convent of town Slobodskoy // *Obretenie svyatyh : sb. materialov V Mezhhregion. cerk.-nauch. konf.* – Indwelling of the Holy: materials of the V Interregional church- scient. conf. Kirov. 2013.